

Хэ Ци смутно помнил, как раньше, нечаянно спросив о его семье, Син Янь либо отказывался говорить, либо сразу же принимал вид человека с мёртвым сердцем, так что он не смел и слова лишнего сказать. Даже такой бесчувственный, как он, внутри тоже была тонкая чувствительная струна. О чём нельзя спрашивать, о том и не спрашивать — вот как должен вести себя зрелый мужчина.

К тому же, кроме этого запретного места, Син Янь в остальное время был очень хорош, человек простодушный и послушный, изредка немного меланхоличный, Хэ Ци считал, что это нормально. Однако стоило лишь коснуться темы прошлого, даже краем, как он снова становился тем самым Син Янем, которого он видел при первой встрече, от которого веяло неприступностью.

Хэ Ци чувствовал, что за Син Янем клубится густой туман, похоже, он запер себя в каком-то моменте прошлого и не может перешагнуть через него.

В современном обществе разве нет у каждого непреодолимого барьера? Разве те, кто проповедует умные цитаты, обязательно сильнее обычных людей? Разве они обязательно могут подняться после падения и начать жизнь заново?

Неважно, в конце концов, жизнь — это взлёты и падения, падения, падения, падения, падения, падения, падения, падения, падения...

Хэ Ци думал, что человеческая жизнь так длинна, что серьёзно относиться к настоящему уже достаточно утомительно. Ещё сожалеть о прошлом, беспокоиться о будущем — как же со всем управиться? Он надеялся, что однажды Син Янь поймёт это, поскорее избавится от тяжкого груза неприятных воспоминаний, поскорее достигнет нирваны, как и он, проживая жизнь в полусне, тупо жрёт и ждёт смерти — конечно, всё это шутки.

Тушёный в соусе карп имел особый вкус, смесь аромата угля и соуса. Хэ Ци заставил себя съесть два куса, рыба была свежей, но повар был неважный, зря потратил несколько цзиней большой свежей рыбы. Син Янь, прикусив палочки для еды, пристально смотрел на него. Хэ Ци знал, чего он ждёт, и, собрав всю свою актёрскую силу, с улыбкой ободрил его:

— Получилось неплохо, в следующий раз продолжай стараться.

Только бы дно кастрюли не прожёт.

Син Янь сделал ему приглашающий жест и тихо сказал:

— А баклажаны...

Хэ Ци, глядя на чёрную массу в тарелке, не удержался:

— У тебя вкус немного тяжёлый, на баклажаны полбутылки тёмного соевого соуса...

В итоге единственное, что можно было есть, это яичница с помидорами, которую Син Янь положил ему в миску раньше. У каждого человека в жизни ограниченное количество очков таланта. Если Бог повысил тебе значение в одном аспекте, сделав гением в какой-то области, то в других аспектах он, возможно, сделает тебя даже хуже обычного человека. Хотя Син Янь в последнее время очень старался учиться готовить, у него совсем не было таланта к кулинарии, вероятно, за всю жизнь он не сможет приготовить ни одного приличного блюда. О, кроме яичницы с помидорами.

Молча покончив с ужином, Хэ Ци сказал:

— В следующий раз я научу тебя тушить мясо в глиняном горшочке, это очень просто, никаких сложностей, даже такой человек, как ты, сможет приготовить. Нарезанные ингредиенты и приправы закидываешь внутрь, добавляешь воду, ставишь на огонь на час — готово, звучит легко, правда?

Син Янь с грустью сказал:

— То, что я приготовил... разве так уж невкусно?

Не знаю почему, но сегодня Хэ Ци, глядя на это лицо, не мог сказать ничего жёсткого, он мягко ответил:

— Твоя яичница с помидорами всё же очень вкусная...

На крыше внезапно подул холодный ветер, проносясь с рёвом между их молчаливыми взглядами.

Син Янь грустно опустил голову, чтобы разрядить неловкость между ними, Хэ Ци сделал вид, что смотрит в сторону, невольно почесав лицо.

Внизу раздался давно не слышный звук синтезатора, это Нью-ню сама практиковалась, мелодия, как и всегда, была беспорядочной, в основном невозможно было разобрать, какая это песня. Но она играла очень старательно, по сравнению с прежним способом выплёскивать эмоции, ударяя пальцами по клавишам, теперь это был уже шум, подобный журчанию ручья.

Син Янь встал, собираясь убрать посуду. Выражение его лица было расстроенным, не потому, что Хэ Ци не понравилась приготовленная им еда, а потому, что полное отсутствие какого-либо таланта к готовке сильно ударило по нему.

Хэ Ци тоже вдруг подскочил со стула, внезапно осенила идея, он схватил Син Яня за плечи и принялся трясти, из-за чего тарелка в его руках чуть не упала на пол. Хэ Ци с сияющим лицом спросил его:

— Тебе нравится Нью-ню, да? Ты хочешь ей помочь, да?

Син Янь немного не успевал за его ритмом, в душе думая: что к чему, какая симпатия, о чём ты говоришь? Но Хэ Ци так его растряс, что Син Яню пришлось поддакнуть:

— Нра... нравится...

Хэ Ци выхватил у него из рук тарелку, поставил на стол, схватил его за руку и сказал:

— Пойдём со мной.

Сказав это, он потянул его за собой. Син Янь, совершенно не понимая, в чём дело, позволил ему наполовину тащить, наполовину вести себя вниз, к металлической двери у лестничной площадки, на которой ещё висели новогодние парные надписи, и принялся яростно стучать, звук был настолько грубым, что, казалось, вот-вот разозлит всех жильцов в доме. Син Янь с беспокойством остановил его, спросив:

— Хэ Ци, что ты задумал? Так стучать — точно будут ругаться.

Не успели его слова стихнуть, как изнутри послышались торопливые шаги, полные гнева, а следом за ними и громкая ругань:

— Стучишь! Стучишь! Стучишь! По чему стучишь? Разве нет звонка, чтобы нажать? — Человек ещё не появился, а голос уже долетел. В тот миг, когда дверь открылась, Хэ Ци поднял руку Син Яня и дружелюбно и восторженно поздоровался с пришедшим:

— Привет!

Если бы вышел крупный мужчина из северо-восточных краёв, у которого золотой пояс с талии мог бы обернуться вокруг шеи, то, наверное, в этот момент он бы накричал на них: «Привет, привет! Привет твоей матери, дерьмовый привет!» — поднял бы кулак размером с глиняный горшок и сквозь металлическую дверь нанёс бы удар «сквозь гору, чтобы сбить быка», отправив их лететь вниз по лестнице.

Но дверь открыла бледная женщина, она крепко нахмурилась, узнав их двоих, но ничуть не расслабилась, с подозрением смотря на них и слегка недовольным тоном спросила:

— Вам что-то нужно?

— Мы можем поговорить, открыв дверь? — с улыбкой спросил он её, рядом стоял перепуганный Син Янь.

— Нет, — решительно отказала женщина.

— Брат А-Янь! — Нью-ню внезапно вышла из комнаты, одним взглядом увидела стоящего снаружи Син Яня и радостно крикнула:

— Брат А-Янь! Ты пришёл поиграть со мной?

Мама Нью-ню изначально всё время держалась за ручку деревянной двери, в любой момент готовая захлопнуть её, но тут Нью-ню подбежала и, что бы ни говорили, хотела открыть дверь, чтобы её брат А-Янь вошёл, но мама её удержала. Нью-ню с обидой посмотрела в эту сторону, Син Янь помахал ей рукой, поздоровавшись:

— Привет, Нью-ню.

Только тогда женщина поняла, что высокий человек снаружи и есть тот самый «брат А-Янь», о котором дочь постоянно твердила, её выражение лица наконец смягчилось, глядя на них, уже не так, как раньше, когда она смотрела на них, как на неблагонадёжных элементов.

— Вы тот, о ком Нью-ню часто упоминает, кто стоит за дверью и разговаривает с ней? — Она взяла Нью-ню на руки и спросила Син Яня.

Син Янь кивнул, тем самым подтвердив.

Нью-ню всё ещё шептала маме на ухо:

— Брат А-Янь очень хороший, он ещё покупал Нью-ню мороженое. Когда Нью-ню одной в комнате было страшно, он всегда прибежал и разговаривал со мной. Мы договорились поиграть в стеклянные шарики, мама,пусти брата А-Яня.

— Она умоляла.

Её мама с извиняющейся улыбкой посмотрела на них, всё ещё стоящих за дверью, затем повернулась и нежно сказала своей дочери:

— А ты его поблагодарила?

Ню-ню, ухватившись за край своего цветного платица, тихим голосом сказала:

— Поблагодарила...

Затем её мама, держа её на руках, подошла и открыла металлическую дверь, пригласив их войти, извиняясь, сказала:

— Извините, я подумала, что вы двое... Заходите сначала.

Хэ Ци отпустил руку Син Яня, и они один за другим вошли в комнату.

<http://bllate.org/book/16327/1473880>